

Рецепт-молитва, казалось бы, представляющий чистое священнодействие, оборачивается устроением конкретной земной жизни земного человека, ушедшего в молитву. Становится обыденным действием! Действие же, напротив, возвышается до заоблачных высот, касается этих высот, исчезая в священном слове молитвы, выраженной, однако, в рецептурных запретах, рецептурных предписаниях, рецептурных предначертаниях. Земной сад, возвращенный на райской почве.

Связанный с вещным мировидением — осязаемым миром вещей, рецепт воспринимается как руководство к действию: никаких переносных смыслов. Предание рассказывает: *одна наложница клирика спросила священника: «Отец, что будет с наложницами священников?» Тот в шутку ответил: «Они не могут спастись иначе, как войдя в огненную печь». Вернувшись домой, женщина раетопила печь, буквально выполнила данный ей совет; тем и спасла, по наивному своему разумению, грешную свою душу.*— Вот до чего впрямую, *in sensu stricto*, воспринималось предписание даже столь фатального свойства. Средневековые рецепты (обрядово-ритуальные в особенности) содержат в явном виде внешние предписания. Поставлена цель — заслужить царство небесное. А для этого нужно точно и недвусмысленно знать, что делать: сколько и каких прочесть молитв, сколько денег потратить на милостыню, сколько дней блюсти пост и прочес.

Буквальное следование рецепту осуществляется не всегда. В условиях многослойности средневековой культуры можно быть накоротке с демоном (как это и было у простого мирянина), а можно понимать его, этого демона, аллегорически (как это и понимал ученый богослов).

Рецепт вторгается и в инобытийную сферу, превращаясь в мозаику странных действований и таинственных целеполаганий над как будто алогичным, внеземным, но построенным по земному подобию. Церковь учит: человек воскреснет из мертвых, после чего, стало быть, он будет облачен телом (здесь мы уже вступаем в сферу чувственного). Не потому ли для средневекового сознания естественны пелёные вопросы архиепископа Юлиана из Толедо: *«В каком возрасте умершие воскреснут? Воскреснут ли они детьми, юношами, зрелыми мужчинами или старцами? В каком облике они воскреснут и с каким телесным устройством? Сделаются ли жирные при жизни снова жирными и худощавые снова худощавыми? Будут ли существовать в той жизни половые различия? Приобретут ли воскресшие снова потерянные ими здесь на земле ногти и волосы?»* (Гегель, 1935, XI, 3, с. 148—149). Ответы на эти вопросы призваны воссоздать инобытийную реальность. Тогда-то и рецепты в областях потусторонних окажутся уместными. Средневековому ирреальному метафизическому рецепту предшествует создание чувственной ситуативности, воссоздание вещественности физического мира.

Рецептурность проявляет себя не только в частных изысканиях средневековой мысли. Мыслители средневековья, склонные к синтетическим построениям, готовы всю подлунную уложить в непреложный рецептурный регламент. *«Ars Magna»*—*«Великое искусство»* Раймонда Лул-